

МУДРЫЙ АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН ТАК И НЕ РЕШИЛСЯ СКАЗАТЬ ЧТО-ЛИБО ОПРЕДЕЛЕННОЕ О БОРИСЕ ЕЛЬЦИНЕ. ОН ДАЖЕ СУМЕЛ ИЗБЕЖАТЬ СЛОВА «ПРЕЗИДЕНТ» В СВОЕМ СПИЧЕ В ГОСДУМЕ

ЮНЫЙ ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ ОКАЗАЛСЯ СМЕЛЕЕ КЛАССИКА

Независимая

газ. — 1994. — 29 окт. — с. 1-2.

Виктория Шохина

Слово

ВЧЕРА ровно в 15.50 в вестибюль Государственной Думы буквально, казалось, вливался Александр Исаевич Солженицын — столь плотно было кольцо окруживших его репортеров. Выступление началось минут на десять раньше намеченного. Одетый к случаю в свой оригинальный пиджак (типа френча), в белой рубашке и с галстуком, Солженицын, тем не менее, выглядел на думском фоне залетной птицей. Зал был полупустым. Кроме Сергея Шахрая, ни один из депутатов — членов правительства не присутствовал. Не было также и Егора Гайдара.

Свою речь писатель начал с экскурса в историю, рассказав, что проштудировал стенограммы всех четырех (несчастных!) российских Дум. В качестве положительного примера была названа III Дума. Таким образом перед думацами (как утверждало табло, их собралось 302 человека) была возвращена впечатляющая историческая ретроспектива. Кроме того, Александр Солженицын сказал, что нынешняя Государственная Дума продолжает ту же линию развития и оказывается, стало быть, пятой.

Исторические отступления занимали достаточное место в его речи. Равно как и имена назывались только исторические, например, Александр II и Столыпин. И все же его сегодняшние политические предпочтения тоже были так или иначе проартикулированы. Особую неприязнь Солженицына вызывает Москва, точнее — московская номенклатура и «московские партии». «Се-

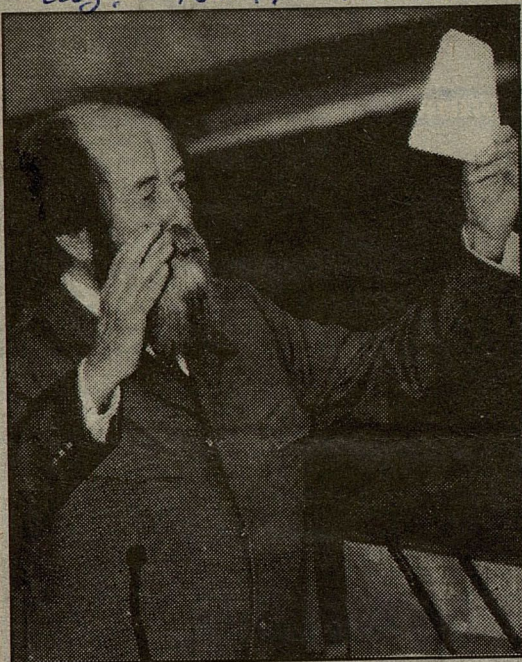

Фото Владимира Сварцевича и Бориса Кауфмана (НГ-фото)

годня у нас, признаться честно, правит олигархия», — объявлял писатель под аплодисменты. «Московские партии», с его точки зрения, «рассматривают народ как материал», «появилось даже снобистское словечко «электрот»... По его мнению, в августе 1991 года демократия проиграла, потому что «на постах мы тогда оставили все ту же номенклатуру, перекрашенную под демократов». Аплодисменты.

Солженицын рассказывал, как он ехал по России и люди несли ему свои беды — в надежде, что он в свою очередь донесет их до власти имущих. «Очевидно, здесь слишком толстые стены...» — он многозначительно обвел взглядом

думский зал. Писатель перечислил, кажется, все язвы, разъедающие наше общество. Говорил об отсутствии хоть какого плана экономических реформ. «Плана реформ нет — тогда это авантюра. Или есть, тогда почему его скрывают?». Под аплодисменты же он сказал об уроках, которые обычный гражданин должен извлечь из «черного вторника»: «Никогда не верь государству и никогда не работай честно».

И «президентской команде» (не президенту), и правительству, и непримиримой оппозиции досталось за пустую шумиху вокруг борьбы с преступностью. «Где открытые суды? Где?» — спрашивал Александр Исаевич. Ответил сам: «... а Столыпин остановил такой вихрь преступности в пять месяцев». (Наверное, не один законодатель вспомнил сразу же о дальнейшей судьбе Петра Алексеевича).

Спасение России Солженицын видит в возрождении земств — чтобы население имело возможность осуществлять себя само. Поэтому указ о невыездности губернаторов симпатии Солженицына не вызвал: горизонтальная власть должна избираться только на демократической основе и уравнивать всеми силами власть вертикальную. Довольно много внимания он уделил болезням вертикальной власти: коррупция, непомерно раздутый

бюрократический аппарат и т.п. «Этот аппарат не доведет нас до добра!». Он вспомнил также о министрах Временного правительства, которые хотя и не сумели, будучи либералами, распорядиться властью, но взяточниками не были.

Солженицын подчеркнул, что особого внимания требуют беженцы, и, с другой стороны, выступил против «незаконной миграции, ущемляющей права коренного населения», покупающей дома, власть и т.п. Потом он вспомнил о Беловежской Пуще, куда «близоруко не позвали Назарбаева и где близоруко поверили Кравчуку». И поставил в заслугу Назарбаеву стремление к кооперации. Самой замечательной его фразой, на мой взгляд, было меланхолическое: «Секретари, секретари, секретари».

Иван Засурский

Дело

ВЧЕТВЕРГ по отношению к правительству России и его курсу реформ была обозначена принципиально новая позиция (результатом которой, кстати, и стало невынесение вето недоверия Кабинету министров): депутаты демократических фракций Государственной Думы воздержались от голосования. Направление дрейфа демократической оппозиции проявилось с выступлением Григория Явлинского, который заявил, что голосовать по вопросу о правительстве нет смысла. То есть, признав общеизвестную аксиому, что правительство является ширмой для президентской администрации, (Окончание на стр.2)

Мудрый Александр Солженицын...

(Окончание. Начало на стр. 1)

Григорий Явлинский сделал новый вывод из сложившейся ситуации: менять надо не ширму, а то, что за ней стоит. При чем срочно — он призвал к проведению досрочных выборов президента России в следующем году. Конечно, такого прецедента еще не было, однако его заявление о том, что «он более не может поддерживать Бориса Ельцина» и что демократия «возможна и без нынешнего президента», крайне важно в сложившейся ситуации.

Похоже, что Григорию Явлинскому удалось нащупать выход из «тупика Боннэр»: призвав к досрочным президентским выборам, он укрепостил демократические силы и своих политических сторонников от бремени альтернативности ельцинской стагнации. В то же время, конечно, придав новый импульс политическим амбициям Жириновского и других левых и правых кандидатов в президенты, он не слился с ними в едином порыве, а только представил закономерное и по-

следовательное продолжение своей политической линии, ранее сформулированной им в определении термина «демократическая оппозиция».

Путь Явлинского логичен: он не голосовал против бюджета на 1994 год, опубликовав свои возражения и громко афишируя свою позицию. Он не принимал участия в строительстве Договора об общественном согласии — потому что не видел в нем смысла — и оказался прав: с этим договором тоже вышла загвоздка, а заявленные в нем, в президентском послании и даже в бюджете цели не были достигнуты, несмотря на то что участники согласительного процесса пожертвовали политическим лицом во имя изменения курса реформ.

Теперь же, когда (цитирую со слуха, по выступлению Явлинского на радио «Эхо Москвы» в четверг вечером) «президент дрейфует налево не в соответствии с реальностью, а в соответствии с его о ней представлении», причем сильно искаженном, резкость Явлинского выглядит весьма оправданной.

Сегодня, когда дискутируется отмена привязки курса доллара к торгам на ММВБ и действует чрезвычайная комиссия при Совете безопасности по выявлению диверсантов, у Явлинского есть все шансы собрать под своими знаменами сторонников как «Союза 12 декабря», так и стремительно теряющего популярность из-за своего коллаборационизма «Выбора России». Он, похоже, больше не хочет объединяться с демократами — г-н Явлинский просто «не замечает» их хлипких структур при работе с демократическим электоратом.

Таким образом, в четверг начался отчет новой — предвыборной политической реальности, что стало закономерным итогом «нового политического года». Теперь политически будут набирать очки только те, кто активно выступает против курса реформ Бориса Ельцина, а не только мечущийся лидер ЛДПР Владимир Жириновский и непримиримая оппозиция, получавшая ранее все очки за президентские и правительственные ошибки.